

УДК 81'42

Боронин А.А.

Московский государственный областной университет

УСМОТРЕНИЕ СМЫСЛА ТЕКСТА: О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ ИНСТРУМЕНТАРИИ И ЕГО РАСШИРЕНИИ

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие текстовых категорий, обозначаемых терминами «перспектива», «ретроспекция» и «проспекция», а также обосновывается авторская трактовка новой текстовой категории «интроспекция». Доказана функциональная однородность перечисленных текстовых категорий, выделены два вида функциональной однородности: повествовательная (нарративная) и семантическая (лакунизирующая). Формулируются новые исследовательские проблемы, связанные с интроспекцией как категорией лингвистики текста.

Ключевые слова: лингвистика текста, интерпретация текста, перспектива, проспекция, ретроспекция, интроспекция.

A. Boronin

Moscow State Regional University

PERCEPTION OF TEXT MEANING: ON THE TERMINOLOGICAL VOCABULARY AND ITS EXPANSION

Abstract. The author analyses a complex of the textual categories termed as perspective, retrospection and prospection and gives his own characteristics of a new textual category of introspection. The functional homogeneity of the textual categories under discussion is stated. Two kinds of such homogeneity are distinguished: the narrative functional homogeneity and leading to lacunarity semantic one. The author places focus on new issues referring to the textual category of introspection to be further investigated.

Key words: text linguistics, interpretation of text, perspective, prospection, retrospection, introspection.

«Практический» аргумент в пользу актуальности настоящей работы заключается в том, что доля визуальной информации в современной коммуникации неуклонно и стремительно возрастает [1, с. 5]. Технический прогресс приводит к иконическому умножению реальности (в связи с этим утверждением см. о понятии полиреальность в [3; 4]) – сегодня стало возможным не просто точно протоколировать отдельные жизненные собы-

тия/явления посредством визуального ряда, а вести едва ли не непрерывную визуальную регистрацию многих сторон окружающего мира.

Большую долю информации индивид получает по зрительному каналу. С этим обстоятельством связано явление, существующее в языковой системе, в частности, в английском языке глаголы, обладающие семантическим признаком «зрительное восприятие», представлены значительным синонимическим рядом [8, с. 17]. Смысл как индивидуальное достояние возможно в *определённой степени* соотносить с мысленным *изображением*, внутренней *картинкой*. В этой связи несколько умалется метафоричность сочетания «усмотреть смысл», которое используется в названии сборника «Понимание как усмотрение и построение смыслов» (см. в [11, с. 164]) и которое вынесено в заголовок статьи. Уместно заметить, что ряд терминов лингвистики / интерпретации текста – «перспектива», «проспекция», «ретроспекция», [13, с. 527, 570, 607] и «интроспекция» – этимологически восходят к латинским глаголам, имеющим значение ‘смотреть’, что, вероятно, указывает на немалую важность явлений, стоящих за этими словами. Проанализируем этот терминологический ряд для того, чтобы показать единство его элементов, возникающее не только из-за сходства внутренней формы, но и из-за функциональной однородности. Описание взаимодействия названных текстовых категорий посредством установления характера этой однородности составляет исследовательскую новизну.

В речи неоднородная мысль выражается линейно; такое явление (*linearization of thought*) становится отправной точкой для порождения словесных вариантов выражения одинаковой ситуации, различающихся по своей *перспективе* [25, р. 20–21]. Для подтверждения сказанного приведем пространную цитату, в которой описывается понятие «перспектива»: «При передаче какого-то содержания <...> происходит его переработка в сознании говорящего. Он может воспринять одно и то же по-разному, под определённым углом зрения и соответственно построить своё высказывание (или текст). При этом играют роль несколько факторов: видение мира самим автором речи, его желание передать или не передавать своё видение адресату в зависимости от цели сообщения, типа текста, коммуникативной ситуации <...>. Перспектива (лат. *perspicio* – «ясно вижу») в лингвистике относится к языковому представлению содержания в зависимости от угла зрения. Языковая перспектива одновременно объективна и субъективна. Она имеет объективную основу, так как производна от объективной действительности, в то же время она субъективна, так как обусловлена индивидуальным восприятием человека. Перспектива даёт возможность по-разному осветить один и тот же фрагмент действительности, для чего служат бесконечно богатые ресурсы языка» [23, с. 54]. Ф. Данеш отмечает: «...

Функциональную перспективу следует толковать исходя из разной степени коммуникативной важности отдельных элементов высказывания (подчёркнуто нами. – А.Б.) в определённый момент коммуникации» [2, с. 13].

Стержнем партии того или иного персонажа является событийная перспектива, то есть «содержательная основа построения партии», способствующая «отбору и осмыслению развёртывающихся событий с точки зрения действующего лица», при этом текстовая событийная перспектива, в целом, тождественна совокупности событийных перспектив отдельных партий. Особенности интерпретации события разными персонажами и отличают событийную перспективу любой партии [2, с. 10]. Рассказ японского классика Р. Акутагавы «В щაცе» представляет собой хрестоматийный образец предельного выдвигания событийной перспективы разных персонажных партий, дающий индивиду безусловное право свободного порождения события через слово, что является частью постмодернистского канона. Полифония голосов лакунизирует истинное событие, которое подменяется некоторой совокупностью квазисобытий – субъективных интерпретаций.

И.Г. Кошечкина пользуется в своих трудах выражением «сюжетная перспектива». Оно обозначает понятие по своей сути соотносимое с тем, о котором писал Ф. Данеш. Сюжетная перспектива принимает участие в расстановке акцентов посредством заострения внимания «читателя на определённых смысловых моментах, не называя их непосредственно, а подводя к ним читателя и подготавливая его к восприятию требуемого содержания в том смысловом или идеологическом ракурсе, который является единым для всего произведения» [15, с. 113–114]. Сюжетная перспектива пронизывает всё художественное произведение, определяя структурные особенности литературного текста и воздействуя на подбор языковых/речевых средств. Сюжетная перспектива максимально нацелена на «приближение» текстового содержания к реципиенту [15, с. 114, 115, 117, 118], она «высвечивает» творческое начало автора, от которого зависит, среди иных показателей, и расположение сегментов текста [14, с. 124, 126; 15, с. 117]. Итак, вполне оправданна точка зрения, согласно которой перспектива – это текстообразующая и стилиобразующая категория [18, с. 3], порождающая особое семантическое образование – лакунизированные смыслы. Расшифровка этих смыслов относится к этапу непосредственного читательского восприятия и интерпретации. Лакунизированность задаваемых сюжетной перспективой смыслов формирует субстрат для множественности интерпретации художественного текста.

Событийная и сюжетная перспективы являются своеобразными точками опоры для множественности интерпретаций, актуализируя принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором. Событийная перспектива задаёт горизонтальную семантическую ось, а сюжетная – вертикальную

семантическую ось: первая связана, скорее, с содержанием художественного текста, а вторая связана с его смыслом.

«Монтаж» сегментов текста часто увязан с созданием временной дискретности (а, следовательно, и обособленности объектов, пребывающих в тех или иных временных координатах), которая реализуется через текстовые категории ретроспекции и проспекции, изменяющие хронологическую последовательность событий, описываемых в художественном тексте [5, с. 3] и создающих темпоральную лакунизированность текста. Следовательно, эти категории «подпитывают» трангрессивную и лакунарную ментальные подструктуры проекции текста.

Обе текстовые категории высвечивают логические основания генезиса и онтологии сверхсложного денотата/текстовой ситуации [5, с. 12; 7, с. 112]. Денотат является неизменным показателем повествования, но, вместе с тем, в полисубъектном нарративе сверхсложный денотат материализуется через последовательность членимостей [23, с. 58]. Автор делит текст на части, учитывая трудные для восприятия места и соотношение информации разных видов – так в художественном тексте «членение текста обретает активную смыслообразующую роль» [20, с. 22–23]. С текстовой категорией членимости непосредственно связаны категории ретроспекции [21, с. 12] и проспекции. Членимость текста определяет его интерпретацию, она задаёт специфическое «кадрирование» смысла. Эмблематичным в этом отношении является эпизод из художественного фильма «Шесть превращений Яна Пищика» режиссера А. Мунка (оригинальное название «Zezowate szczęście», ПНР, 1960 г.), в котором главный герой вдохновенно лжёт, говоря о том, что сражался с врагом – якобы рубил его, *как капусту*. Возникает интересный феномен метонимической аппроксимации, поскольку на самом деле весь его военный «опыт» сводится к тому, что неудачливый солдат попал под бомбежку, которая застала его на *капустном* поле.

Поясняя выражаемое нами мнение о темпоральной лакунизированнойности текста, следует отметить, что степень выражения этого качества варьирует. Лакунизированность этого плана может быть как слабовыраженной, когда соблюдается некий временной баланс (регулярные челночные скольжения от одного временного плана к другому в повествовании, учет всех трёх временных планов в грамматическом и эстетико-стилистическом и др. отношениях), так и акцентуированной (ср. *пассеизм* и *футуризм*).

Интроспекция была введена в терминологический оборот лингвистики текста и интерпретации текста относительно недавно (см., например, [22]), хотя в языкознании существует известная точка зрения о признании интроспекции в качестве лингвистического метода. Введение категории интроспекции в лингвистику текста и интерпретацию текста – это неиз-

бежная дань постнеклассической рациональности, господствующей в современной науке. Постмодернистская трактовка онтологических категорий бытия, осознание слоистости времени, полиреальности окружающего мира рисуют новый вектор – вектор психологической темпоральности, деконструирующий традиционные отношения причинности и линейного развития событий.

По нашему мнению, интроспекцию следует понимать как текстовую категорию, указывающую на значимость настоящего момента через эмоциональную или рефлексивную актуализацию личностного начала («я – здесь – сейчас») автора. Интроспекция задает сильно выраженную временную лакунизированность текста. Полагаем, что интроспекция как текстовая категория не ограничена рамками художественной коммуникации.

Все текстовые категории взаимодействуют (например, о роли ретроспекции в формировании коммуникативной перспективы высказывания см. [21, с. 16–17]). Обратимся к персонажным субтекстам (далее – ПС), взятым из рассказа С. Моэма “The Unconquered”.

(1) “I know it’ll be a boy. I want to hold him in my arms and I want to teach him to walk. And then when he grows older I’ll teach him all I know. I’ll teach him to ride and I’ll teach him to shoot. Are there fish in your brook? I’ll teach him to fish. I’m going to be the proudest father in the world.” [26, p. 276]

(2) <...> “Which way?”

“The brook,” the old woman gasped. [26, p. 279–280]

(3) “I’ve done what I had to do. I took it down to the brook and held it under water till it was dead” [26, p. 280].

В каждом ПС слово “brook” служит пространственным определителем различных ситуаций, что, в свою очередь, дает возможность перспективировать качества объекта в зависимости от характера данных ситуаций («место отдыха» – «направление движения» – «место убийства»¹). Возвращение к разным обстоятельствам времени и места в новых сегментах текста с введением при каждом подобном возврате новой информации – частое явление, задающее связность текста и стимулирующее его линейное развёртывание [12, с. 14–15].

Качество объекта перспективируется в проспективном (ПС 1) и ретроспективном (ПС 3) планах. Если принять как должное, что качество объекта перспективируется сугубо в ситуации, передаваемой в ПС 1, то посредством категории проспекции вводится временное ограничение на изображение подобной ситуации в этом – и ни в каком другом – вымышленном мире. В ПС 2 актуализируется категория ретроспекции, порождающая се-

¹ Ср. с перспективой высказывания, которая позволяет акцентировать подобное свойство объекта (stream) в ПС в [24, p. 128–129] (рассказ “The Apple Tree”).

мантическую напряжённость, связанную с читательским предощущением того, что будет перспективироваться *иное*, нежели в ПС 1, качество объекта. В ПС 3 ретроспективная передача ситуации вызывает снятие семантического напряжения.

Слово “brook” во всех приведенных ПС включает в себе известную, «данную» информацию. Существует точка зрения, согласно которой считается, что, «повторяясь, информация теряет свою ценность» [10, с.17], поскольку «суть процесса информирования – сообщение нового» [19, с. 38]. Итак, показатель «новизна информации» соотносится с другим её признаком – ценностью, которая «тем выше, чем новее, неожиданнее получаемая информация» [6, с. 74].

С приведёнными мнениями можно согласиться, однако есть основания считать, что полного «обесценения» денотативной информации, как мы удостоверились в результате анализа персонажных субтекстов, не происходит: ведь, будучи многократно введённой под различными углами зрения, в разных перспективных «режимах», денотативная компонента становится базой для возникновения качественно нового феномена – концептуальной информации. Можно предположить, что категория интроспекции проявляет себя в приведённом выше примере двухфазно: в свернутом виде (через повторы) и в эксплицитном виде (концептуальная информация). Названное предположение обуславливает следующее допущение: первый уровень реализации категории – формально-текстовой, а второй – коммуникативный. Не трактуется ли в таком случае текстовая категория чрезмерно широко? Антропоцентрическая парадигма, в которую вписывается функционально-коммуникативный подход к исследованию текста, позволяет дать отрицательный ответ на этот вопрос. Принцип условной дискретности элементов коммуникативной системы (субъекты коммуникации и текст как *сообщение*) несколько снижает значимость различения собственно текстовых и коммуникативных категорий.

Итак, мы доказали функциональную – повествовательную (нарративную) и семантическую (лакунизирующую) – однородность нескольких текстовых категорий, расширив категориальный аппарат за счёт собственной трактовки новой текстовой категории *интроспекция*.

Введение в оборот лингвистики текста новой категории ставит перед исследователями ряд интересных вопросов. В частности, К.А. Долинин исчислил среднюю скорость повествования в разных текстах и определил, что у Сартра в «Зрелом возрасте» скорость повествования – 3 минуты на 1000 знаков, тогда как у Камю в «Постороннем» – 1,7 часа на 1000 знаков [9, с. 46]. Возникает вопрос: является ли скорость повествования категориальным признаком интроспекции в масштабах *целого* текста? Ещё один показа-

тельный пример: М.Н. Левченко приводит интересные данные о пространственно-временных особенностях немецкой притчи, отмечая, что текстовые категории ретроспекции и проспекции встречаются редко [17, с. 5]. Таким образом, уместен вывод о наличии в текстах определённого жанра категориальной лакуны, когда отсутствие ретроспекции и проспекции как форм реализации дисконтинуальности в тексте [16, с. 5] рассматривается как значимое. Эта значимость и содержит момент проблематизации: можно ли считать названную лакуну имплицитным проявлением категории интроспекции в этом типе текстов (при допущении возможности конвергентной рефлексии «на себя и вовне») или же она сигнализирует о смежном явлении? Ответы на эти вопросы предполагают отдельное исследование.

Литература:

1. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале художественных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. *Баталова Т.М.* Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста (на материале английской поэзии и прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977. 24 с.
3. *Боронин А.А., Сологубов А.М.* Полиреальность и речевое общение // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 151–158.
4. *Боронин А.А., Сологубов А.М.* Полиреальность в текстопорождении: опыт прошлого и настоящего // Сублогический анализ языка. Юбилейный сб. науч. тр. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 266–270.
5. *Брускова Н.В.* Категории ретроспекции и проспекции в художественном тексте (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 22 с.
6. *Волькенштейн М.* Стихи как сложная информационная система // Наука и жизнь. 1970. № 1. С. 72–78.
7. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.
8. *Гинзбург Р.С.* О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике // Иностранные языки в школе. 1972. № 5. С. 14–19.
9. *Долинин К.А.* Об одном возможном подходе к анализу художественного текста // Стилистика романо-германских языков (Материалы семинара). Учёные записки. Т. 491. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1972. С. 31–50
10. *Елистратова И.В.* Характер взаимодействия категории информативности и категории модальности в тексте художественного произведения (жанр рассказа): дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 184 с.
11. *Колодина Н.И.* Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. Тамбов: изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. 184 с.
12. *Котоянц С.В.* Обстоятельства места и времени в локально-временной детерминированности художественного текста (жанр рассказа): автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 21 с.

13. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М.: Русский язык, 2000. 856 с.

14. Кошевая И.Г. Стилистика современного английского языка: теоретический курс. М.: МЭГУ, 1999. 148 с.

15. Кошевая И.Г. Текстобразующие структуры языка и речи. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. 169 с.

16. Кузьмина И.И. Языковая репрезентация временного дисконтинуума в немецком тексте; автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2011. 25 с.

17. Левченко М.Н. Инварианты темпорально-локальной архитектоники немецкой притчи // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2014. №1. URL <http://evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/528> (дата обращения: 20.08.2015).

18. Марова Н.Д. Диалоги о перспективе текста (на материале немецкоязычных художественных текстов). Алма-Ата: изд-во КазГУ, 1989. 84 с.

19. Рыбакова Л.В. Категория информативности в прагматическом аспекте (на материале англоязычных информационно-рекламных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1998. 192 с.

20. Сосаре М.В. Лингвистические основы делимитации текста (к проблеме описания структуры текста): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.

21. Фёдорова Л.Н. Категория ретроспекции в художественном тексте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 21 с.

22. Федотова О.С. Лингвостилистические средства реализации интроспекции персонажа в современной англоязычной художественной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

23. Шендельс Е.И. Роль перспективы в грамматике // Иностранные языки в школе. 1990. № 4. С. 54–58.

24. Galsworthy J. *Salvation of a Forsyte and Other Stories*. Moscow: Raduga Publishers, 2005. 192 p.

25. Levinson S.C. *From Outer to Inner Space: Linguistic Categories and Non-linguistic Thinking // Language and Conceptualization / Ed. by J. Nuyts, E. Pederson*. – Cambridge – New-York – Melbourne: Cambridge University Press, 1999. P. 13–45.

26. Maugham W.S. *10 Short Masterpieces*. Moscow: Jupiter-Inter, 2005. 296 p.